

Ожидания Бена Уикса

Автор:

Александр Тилни

Ожидания Бена Уикса

Александр Тилни

Young Adult Novel. Трудное взрослениеМИФ Проза

Бен Уикс с детства знал, что его ожидает элитная школа Сент-Джеймс, лучшая в Новой Англии. Он безупречный кандидат – только что выиграл национальный чемпионат по сквошу, а предки Бена были основателями школы. Есть лишь одна проблема – почти все семейное состояние Уиксов растрчено.

Соседом Бена по комнате становится Ахмед аль-Халед – сын сказочно богатого эмиратского шейха. Преисполненный амбициями, Ахмед совершенно не ориентируется в негласных правилах этикета Сент-Джеймс.

Постепенно неприятное соседство превращается в дружбу и взаимную поддержку. Смогут ли Бен и Ахмед стать «своими» в месте, где реальность оказывается столь далека от их ожиданий?

Для кого эта книга

Для любителей классических американских романов взросления.

Для всех, кто ищет книги с важной социальной проблематикой.

На русском языке публикуется впервые.

Александр Тилни

Ожидания Бена Уикса

Original title:

The Expectations

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2019 by Alexander Tilney

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc. and Aitken Alexander Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Глава 1. Наконец-то

Новичкам велели выстроиться вдоль самой дальней стены цокольного этажа корпуса Хоули. Эннис Квинн, капитан здешней команды по спортивной борьбе и самый brutальный шестиклассник в их корпусе, выступил вперед из компании старших ребят, и Бен Уикс невольно прижался лопатками к холодной бетонной стене. Бен старался как мог, чтобы его нервно-восторженное возбуждение не было уж слишком очевидным. Он так долго ждал, когда же наконец сюда попадет!

Между тем Эннис с коротко остриженными, как у всех в борцовской команде, волосами цвета крафтовой бумаги принялся расхаживать туда-сюда перед новичками, свирепо выпучив глаза и водя кончиком языка по губам. Он словно был вылеплен из более тугого и плотного материала, нежели все остальные.

Со всех сторон стояли старшие ребята из их общежития и, дружно покачиваясь, приглушенными голосами – дабы их не услышали обитавшие двумя этажами выше преподавы – в унисон скандировали:

– Новичок в Сент-Джеймсе лишнего не болтает! Новичок в Сент-Джеймсе лишнего не болтает! Новичок...

Бен чувствовал, насколько перепуганы остальные стоявшие с ним в ряд новенькие, и испытывал к ним какую-то покровительственную жалость. Он бы рад был поведать им все то, что рассказывал ему старший брат Тедди, окончивший эту школу минувшей весной. Что их ожидает какая-нибудь знатная битва подушками, только и всего, – то, что обычно происходит по всему кампусу, на цокольном этаже каждой общаги. Что это сплотит их. Что, прибыв сюда разрозненными чужаками, они выйдут из стен этой школы едва ли не будущими шаферами на свадьбах друг у друга.

Однако сейчас он наблюдал, как Эннис зловеще расхаживает перед ними. Бен все ждал, что тот примется что-то говорить или ругаться – хоть как-то начнет предстоящее испытание! – однако парень лишь продолжал ходить перед новичками взад и вперед. Между тем скандировавшие свой лозунг старшеклассники перестали производить нужное впечатление: они уже столько раз успели повторить одни и те же слова, что из фразы выдохся весь смысл.

Теперь Бен предчувствовал, что все окажется куда сложнее, нежели он предполагал раньше. Эннис продолжал ходить, так ничего и не говоря, как

будто ожидая, что кто-то другой его к чему-то подтолкнет. Разумеется, все старшеклассники были в подпитии, хотя Бен не подходил ни к кому настолько близко, чтобы это унюхать. Новички же по-прежнему неподвижно и молча стояли вдоль стенки со встрепанными ото сна волосами. И в душе у Бена начал ворочаться страх – неведомый прежде страх, что его вот-вот могут ударить. И боязнь того, что сейчас здесь разыграется нечто совсем отличное от того, на что он рассчитывал.

Сосед Бена по комнате, Ахмед, был единственным здесь новичком, который не смотрел отсутствующим неподвижным взором на водосточный желоб в бетонном полу, ожидая, когда же наконец все начнется, чтобы поскорее могло закончиться. А еще Ахмед был единственным новичком, явившимся сюда в халате – в вафельном, грязно-белого цвета халате с малиновым кантом. Сдвинув брови, он провожал глазами расхаживающего туда-сюда Энниса. Что, мол, вообще такого сделал этот Эннис, чтобы тут командовать?

В тот день, войдя в дверь своей комнаты в общежитии, Бен впервые встретился глазами с Ахмедом, очень смуглым парнем в роскошной, сливового цвета рубашке, и про себя поразился тому выражению лица, что обнаружил у соседа по жилью – контрастирующему со всеми прочими лицами, которые он мог наблюдать в школе Сент-Джеймс. В нем читались восторженный интерес и полное отсутствие лукавства. И вот теперь Ахмед стоял рядом с ним, сжимая и разжимая кулаки: сожмет – разожмет, сожмет – разожмет... Бен наблюдал за Ахмедом, а Ахмед следил глазами за Эннисом. А тот по-прежнему мерно расхаживал перед ними, не произнося ни слова, как будто внутри него просто сломался какой-то механизм.

У Бена столько всего было за душой, чем он мог бы себя взбодрить! Мысленно он вновь очутился перед многими рядами глаз, сияющих за кортом, – именно так он увидел болельщиков, торжествующе вскинув над головой правую руку с ракеткой, когда победил на последнем этапе Национального турнира по сквошу среди юношей до пятнадцати. Бен попытался вновь испытать то ликование победителя, так же, как тогда, проникнуться чувством триумфа. Сам Мэнли Прайс, тренер по сквошу в школе Сент-Джеймс, с нетерпением ждал, когда же он, Бен, придет и присоединится к его команде. Потом Бен представил лицо своего старшего брата Тедди, напрочь лишенное каких-либо сомнений или страха, когда тот описывал и занятия в Сент-Джеймсе, и поздние посиделки с друзьями в общежитии, и ночные шатания по лесным чащам. Еще ему вспомнилось лицо Хатча, сидевшего на другом конце навеса для каноэ в летнем лагере

«Тонгахивин», когда тот кичливо вещал другим ребятам, как классно будет в Сент-Джеймсе. Еще Бен воспроизвел в памяти школьные фотографии своего дяди и своего отца, а также дедушки и всех прочих Уиксов на протяжении истории всей его семьи, которые на снимках выглядели совсем как он в эти минуты. Страх был сейчас естественен, страх являлся неременной частью нынешнего посвящения. И как бы то ни было, Бен чувствовал себя на своем месте, он был причастен к здешнему миру, и это представлялось ему самым естественным и самым правильным началом его пребывания в школе.

– С-с-салаги! – громко прошипел вдруг Эннис. – С-сейчас мы увидим, кто из вас с-самый крепкий и крутой!

Снова Эннис надолго впал в сосредоточенное молчание, и вся уверенность Бена как-то разом сошла на нет.

– Сейчас мы выясним, кто из вас самый храбрый! Кто самый сильный! Самый быстрый! Кто самый лучший из вас! Кто лучший?! Лучш-ш-ший!

Тут Эннис сжал перед собой кулаки и, опустив голову к груди, принялся зловеще скандировать:

– Лучш-ший! Лучш-ший! Лучш-ший!..

Казалось, утро нового дня наступит еще очень и очень нескоро.

* * *

После двух часов езды по раскаленной на солнце автостраде отец Бена свернул на съезд № 20 к Довертону, где вдоль дороги имелась целая полоса давно заброшенных заведений: автомоек, некогда торговавших надувными матрасами магазинов, опустевших автокафе и прочих торговых лавок вроде пиццерии Uno, магазина с оргтехникoй и канцелярией Staples и фастфуда Boston Chicken. И Бену подумалось: когда же школа построит наконец собственный съезд с трассы 93, чтобы не приходилось проезжать мимо всей этой неприглядной картины опустения – с раскинутыми во все стороны по небу проводами, с парковками без единого автомобиля перед похожими на кафе и рестораны строениями, с зияющими пустотой окнами без стекол. Потом они миновали

массивное здание из красного кирпича, где располагалась довертонская психиатрическая лечебница, потом – бежевый дом муниципальной старшей школы, потом – заправку Citgo, приютившуюся отдельно, на собственной залитой бетоном площадке.

Дорога постепенно сужалась. Теперь дома по обе стороны дороги казались точно просевшими, как будто вагонка на их стенах крепилась к отсырелому поролону.

Затем лес, словно избавившись наконец от человеческих построек, раскинулся вольготно и стал именно таким лесом, какой у всех обычно и ассоциируется с Новой Англией. Бен взволнованно вытер ладони о шорты цвета хаки. Он вроде бы уже настолько приблизился к своей новой, столь долгожданной реальности – но теперь ему вдруг остро захотелось, чтобы они еще добрых несколько часов ехали до места. Или можно было бы просто пойти с отцом побродить по лесу, разглядывая целые полосы лишайника на широких гранитных плитах. Дома, еще несколько лет назад, они прогулялись как-то по лесу и принесли с собой кусочки лишайника, чтобы найти их изображение в объемистом справочнике, лежавшем на кофейном столике в библиотеке. С тех пор эта книга так и осталась там лежать в полнейшей неприкосновенности.

Багажник их универсала «Вольво» был аккуратно уложен вещами. С собой Бен вез две большие спортивные сумки с одеждой и постельным бельем, три новенькие – считай, только доставленные из магазина – удлинненные ракетки для сквоша Prince Extender, полкоробки тоже новеньких мячей для сквоша с желтыми точками, выдающими в нем опытного игрока[1 - Наиболее опытные и профессиональные игроки используют мячи Dunlop Pro. Такой мяч имеет две желтые точки и часто называется «мяч с двумя желтыми точками». Прим. ред.], фирменные спортивные очки в белой оправе, пару теннисок Hi-Tec. Еще он вез с собой старенький стереомагнитофон, что отдал ему Тедди, а также картонный тубус с двумя бережно свернутыми постерами: плакат группы Led Zeppelin и гравюра М. К. Эшера. Еще в багаже лежали шипованные бутсы, кроссовки для бега и коричневые оксфорды. Еще была ярко-красная бейсболка, что тоже отдал ему Тедди, с надписью Marlboro Racing и изображением гоночной машины «Формулы-1». Внутри Бен аккуратно положил две свернутые футболки и все это обернул флисовой курткой, чтобы в набитой сумке бейсболка не деформировалась. Имелся и небольшой компьютер Mac Classic, небольшое деревце шеффлеры в плетеной корзинке, часы-будильник, зубная щетка, зубная паста, дезодорант, шампунь-кондиционер. Новая теплая куртка North Face

Mountain тоже, любовно свернутая, лежала в сумке с вещами – Бен, помнится, до слез желал ее заполучить.

Между тем они ехали под густыми кронами деревьев, без малейшего просвета перекрывавшими небо. Бен все ждал, когда же у дороги покажется табличка указателя частной школы Сент-Джеймс. Он приезжал сюда множество раз – на те или иные юбилейные торжества, турниры по сквошу (на одном из которых удостоился памятного рукопожатия от Мэнли Прайса), матчи с участием Тедди, просто на родительские дни.

А задолго до того отец Бена приезжал сюда на поезде со старого, величественного Пенсильванского вокзала[2 - Старый Пенсильванский вокзал, истинная гордость Нью-Йорка, был снесен в 1963 году. Прим. пер.]; и так же приезжал его дядя, а до этого – и дедушка, который на черно-белой фотографии, гордо выставленной на каминной полке у них дома в гостиной, улыбался рядом с Бобби Кеннеди; и так же приезжал сюда брат дедушки, чье имя значилось в свидетельстве о регистрации Совета по международным отношениям.

А еще задолго до всего, что упомянуто выше, в Нью-Бедфорде, штат Массачусетс, в ту пору являвшемся еще колониальной территорией, их предок Сэмюэль Уикс слыл парусных дел мастером и шил вручную паруса для единственного в тех местах китобойного судна под названием «Вулкан». Вскоре он уже заправлял процветающим предприятием, которое изготавливало паруса и строило лодки, а его сыновья впоследствии вкладывали немалые деньги в судоходство и импорт товаров, занимая значимые посты в правительстве штата.

И вот осенью 1856 года, дабы вооружиться необходимыми знаниями и достойно продолжить традиции своего рода, двенадцатилетний Томас Уикс в легком двухместном экипаже, влекомом парой дымчато-серых лошадей, приехал в местечко Годз-Покет, штат Нью-Гэмпшир, дабы встретить первый учебный день первого семестра самого первого учебного года только основанной школы Сент-Джеймс.

Родители Томаса тогда сильно рисковали и образованием своего сына, и, как следствие, его дальнейшим окружением, и вообще будущим семьи, доверившись новой педагогической концепции. Дело в том, что один довольно молодой министр, отпрыск друга их семьи, решил основать нарочито удаленную, закрытую от мира и огражденную от всех его искушений, безопасную

образовательную гавань посреди старых дремучих лесов. В те времена известные частные учебные заведения – такие как Академия Филлипса в Андовере, Эксетерский университет или Академия Милтон – еще не были закрытыми пансионами. Учебные корпуса там строились вдоль главных улиц тамошних городов, и студенты жили в местных семьях или же в сдающихся меблированных комнатах. Однако в каждом семействе знали как минимум пару-тройку юношей, вернувшихся из академии с серьезными проблемами по части пьянства и азартных игр, и это была главная ошибка существовавшей системы. Смысл новой идеи состоял в том, чтобы уберечь сыновей от разных городских развлечений и соблазнов ради их должной подготовки к ожидаемому поприщу.

И вот, заявляя о столь разительном своем отличии от прочих учебных заведений, школа Сент-Джеймс выбрала своим символом не орла, и не льва, и не дракона – а муравья. На школьной эмблеме изображен был черный трудяга-муравей под раскрытой Библией, а ниже значился девиз: *Vade ad formicam*[3 - Полная фраза из Библии звучит так: *Vade ad formicam o piger et considera vias ejus et disce sapientiam* («Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым»). Прим. пер.]. На семейство Уиксов это произвело впечатление. Все учащиеся жили там вместе в закрытом кампусе под непосредственным присмотром учителей. Вместе они проходили одну и ту же программу по латыни, риторике, математике и теологии, вместе трудились, следя за порядком и в корпусах, и на прилегающих территориях. И после четырех лет учебы родительский риск окупился многократно.

Томас поступил в Принстонский университет и стал одним из первых инвесторов резиновой промышленности. Семейство Уикс внесло немалый вклад в производство резиновых шин, уплотнительных прокладок, автомобильных дворников, обувных подошв, конвейерных лент, латексных перчаток и прочего и прочего, оказавшегося весьма востребованным в современном мире. Причем, надо сказать, деньги считались в их семье не физическим имуществом, а скорее доверительной собственностью, а их владелец – доверительным управляющим, куратором.

Историю семьи Бену пересказывали множество раз, всячески напоминая об особой важности такого происхождения. Однако чаще всего он воспринимал ее как нечто очень родное и близкое, а потому не видел в ней ничего особенного. Фотография Томаса Уикса с шестью другими выпускниками школы Сент-Джеймс – первого ее выпускного класса – незатейливо висела на стене в задней прихожей дома Бена, и порой он, опершись на деревянные брусья заднего

крыльца, разглядывал их лица и задавался вопросом: а когда, интересно, вошло у людей в правило изображать для фотографии улыбку?

Почти сразу же школа Сент-Джеймс прославилась как одна из очень немногих действительно успешных стартовых тренировочных площадок для новой американской аристократии, такой нервной и непостоянной, и очень скоро еще несколько школ переняли эту своеобразную концепцию.

Однако в середине 1990-х изначальный замысел школы, имеющий во главе угла умышленную удаленность и закрытость от внешнего мира, – этот замысел начал трещать по швам и в дальнейшем мог лишь разваливаться еще сильнее. У большинства учащихся школы Сент-Джеймс уже имелась электронная почта, и в считанные годы все общежития на кампусе были подключены к широкополосному интернету. А затем и сленг хип-хопа зазвучал куда круче, нежели та лексика, что некогда расцвела на странном, каком-то галапагосском наречии Grateful Dead[4 - Grateful Dead (досл. «Благодарный мертвец») – американская рок-группа с лидером Джерри Гарсией, основанная в 1965 году в Сан-Франциско. После выступлений на фестивалях в Монтерее (1967) и в Вудстоке (1969) заняла значимое место на американской музыкальной сцене и в контркультуре. Прим. ред.]. И спустя немного времени воспитанники школы уже не меньше чем все прочие подростки просматривали втихаря порно, болтали в чатах с друзьями, оставшимися на родине, сидели на переменах в фейсбуке, выкладывали что-то в соцсетях и каждый день общались с родителями по сотовому телефону. А их родители имели возможность звонить учителям и интересоваться той или иной отметкой за тот или иной тест или чьим-то решением не выставлять его отпрыска во втором тайме той или иной игры.

Но тогда, в начале девяностых, до всего этого еще было далеко. В ту пору, когда Бен с отцом подъезжали к кампусу, можно было на протяжении целого семестра не видеть никаких новостных телепрограмм и не слышать никакого коммерческого радио, а на каждое общежитие приходился один лишь таксофон, стоявший на цокольном этаже. И хотя с тех пор, как отец Бена окончил эту школу, через ее ворота уже успели просочиться компакт-диски хип-хоп-группы N.W.A.[5 - N.W.A. (англ. Niggas With Attitude – «Нигеры со своим мнением») – американская хип-хоп-группа из Калифорнии, считающаяся одной из основательниц поджанра гангста-рэпа с криминальной тематикой. Существовала с 1986 по 1991 год. Прим. пер.] и видеофильмы с Питером Нортом[6 - Питер Норт (р. 1957) – канадский порноактер, кинопродюсер и порнорежиссер. Прим. пер.] – все-таки удаленность заведения еще играла свою

роль. И здесь еще возможно было избежать отвлечения внимания юных воспитанников на посторонние вещи. Только как долго такой расклад мог продержаться?

Наконец между двумя гранитными столбиками показалась белая табличка с надписью «Школа Сент-Джеймс».

Отец Бена отстегнул ремень безопасности и въехал на крайний изгиб длинной подъездной аллеи. По обе стороны дороги высилась густая и нестриженная хвойная изгородь, которая на какое-то время даже загородила собой слепящее солнце, и машина медленно покатила между деревьями.

В приемном комплекте бумаг (а при виде толщины этого пакета Бена всякий раз омывало волной уверенности) сообщалось, что у него в общежитии будет сосед по комнате, вот только, кем окажется этот сосед, не упоминалось. Бен очень радовался, что у него появится товарищ по жилью. Благодаря этому парню Бен будет иметь возможность продемонстрировать всю свою компетентность в здешних делах, все знания, что он перенял от Тедди. С тех пор как ему доводилось приезжать в Сент-Джеймс и встречаться с друзьями брата, он хорошо усвоил, что если фамилия какого-то ученика звучит очень знакомо, то это отнюдь не совпадение. Да, да, это были та самая бывшая на слуху продовольственная фирма, или тот самый знаменитый производитель стали, или тот самый известный банк. Бен со своим соседом по комнате будут вместе осваивать здешний школьный сленг, у них появятся свои, непонятные всем прочим, шутки, они вместе будут знакомиться с девочками, а после станут делиться друг с другом впечатлениями. Бен научит своего соседа, как правильнее держаться в столовой или в «берлоге» – как по традиции ученики называли здешний клуб с залом отдыха, кафетерием и игровыми автоматами, – поведает ему, что однозначно не следует носить, или объяснит, как заставить старшеклассников считать, что ты достаточно крут для новичка, но все же не пытаться казаться чересчур крутым. Или что, заходя к кому-то в комнату, ни в коем случае не следует стучаться, потому что стучаться в дверь обязаны лишь преподы, и если кто-то к тебе постучался – значит, пришел препод.

Бен со своим товарищем по комнате разузнают, как достать выпивку (Бен пока что вообще не представлял, где ее можно достать, – ну так это дело наживное!), и другие ребята захотят прийти к ним распить за компанию. Со своим соседом по комнате Бен будет общаться куда теснее, нежели с тем парнем, с которым он познакомился в лагере «Тонгахивин», – с Тейлором Хатчинсоном, или просто

Хатчем. И Хатч намного сильнее захочет дружить с Беном, потому что Бен окажется как бы уже занятым, не столь для него доступным. Летом педагоги «Тонгахивина» разрешили Хатчу отправиться в долгий поход на каноэ, хотя тому и не исполнилось четырнадцати, а на лагерных «индейских» танцах он, говорили, увлек Хизер Риз к теннисным кортам. По слухам, этим летом у них вообще все развернулось по полной программе. Хатча два лета подряд выбирали «Лучшим в лагере» – но он лишь насмехался над наградой, говоря, что только всякие подлизы получают этот приз.

– А вот Уикси, точно знаю, был бы не прочь его урвать, да? – сказал однажды за обедом Хатч, довольно ощутимо толкнув его кулаком в плечо.

Поскольку на самом деле Бен и впрямь был бы очень рад получить «Лучшего в лагере», он густо покраснел, а ребята за столом рассмеялись. И Бен в ответ тоже толкнул Хатча кулаком в плечо, но совсем легонько.

Кстати, узнав, что Бен тоже собирается поступить в школу Сент-Джеймс, Хатч проникся к нему гораздо большим уважением.

А однажды, рисовал в своем воображении Бен, они с соседом выкрадут из кухни здоровенный, промышленных объемов, пакет с порошком для желе, заткнут щель под дверью какого-нибудь помещения в полуподвальном этаже, протянутым через окно шлангом наполнят это помещение водой на фут глубиной, высыпят сухой желатин, включат батарею и веслом, притащенным из лодочного сарая, хорошенько все перемешают. Потом батарею выключат, а окна оставят открытыми. А когда комната окажется сплошь покрыта слоем идеально застывшего желе толщиной в фут, он, Бен, получит славу редкостного, прямо-таки эпохального затейника, и тогда Хатч уважительно кивнет, признав, что выдумка его приятеля – действительно нечто потрясающее.

Бен немного скучал уже по Тиму Грину, с которым он дружил дома, с его неизменным прямым пробором и шортами до колен. Но здесь он наконец обретет более классных и крутых друзей – таких, из-за которых ему не придется украдкой смущаться и краснеть.

И вот окаймлявшая подъездную дорогу живая изгородь резко оборвалась, и их взорам открылись футбольные поля, похожие на зеленые озера. Слева от спортивных площадок стояло старое, слегка покосившееся здание из красного

кирпича, напоминавшее амбар, а прямо через дорогу выстроился целый ряд учебных корпусов, снизу кирпичных, а сверху обшитых белой вагонкой. За чередой деревьев высилась прямоугольная колокольня школьной капеллы, из каждого угла которой в небо вонзались узловатые шпили. С ее печеночным цветом, эта башня, казалось, дрожала на фоне пронзительной синевы летнего неба. Бену вообще всегда представлялось странным, что здешнюю церковь называют капеллой. На его взгляд, это был самый что ни на есть полноценный собор, колокольня которого просматривалась с любой точки кампуса.

Бен вспомнил, что в машине позади него лежит его новенькая куртка North Face и классная бейсболка Marlboro Racing, и едва не задрожал от сладкого предвкушения, представляя, как он будет гордо их носить, когда придет пора. Вскоре он сам почувствует, когда и что годится надевать. Если бы он в самый первый день в школе нацепил свою бейсболку, все бы подумали, что он выпендривается, считая себя чересчур крутым. Но вскоре он с полным правом сможет ее носить.

Подъезжая сейчас к школе, Бен видел на дорожках ребят в кепках – в основном это были самые обычные бейсболки с названием того или иного колледжа. Но он-то знал, что его Marlboro Racing куда лучше, поскольку хоть она была и формой, и материалом такая же, как другие бейсболки, но все равно отличалась от прочих. Она была особенной, единственной в своем роде, с идеальным изгибом козырька. Хатч, несомненно, сразу признал бы ее совершенство, и Бен даже пожалел, что Тедди не отдал ему эту бейсболку раньше, чтобы ее можно было носить в лагере «Тонгахивин».

Между тем они с отцом ехали все дальше, поднимаясь по небольшому уклону в направлении Дома основателя с его ослепительно белыми колоннами, затем миновали небольшой безымянный ручей, бегущий через весь кампус. Обычно, когда им доводилось приезжать в Сент-Джеймс, отец постоянно указывал через окно автомобиля на разные здешние достопримечательности, рассказывая все, что с ними связано. Однако теперь он хранил молчание – возможно, тоже пребывая под гнетом своих мыслей и надежд. Он выступил сопредседателем комитета по сбору средств для строительства новых кортов для сквоша, так что Бен не сомневался, что их-то уж точно отец заедет посмотреть. Возможно, там, на этих кортах, их уже поджидает Мэнли Прайс.

Наконец они добрались до парковки во дворе четырех стоящих прямоугольником, неказистых, почти квадратных общежитий, построенных в

стиле «учрежденческой готики» тридцатых годов из кирпича и песчаника. Корпус Хоули, где предстояло жить Бену, успешно выполнял свою ландшафтную роль, тыльной стороной ограничивая зеленое травяное пространство. Они припарковались среди других авто, выбрались из машины, и оба облегченно потянулись, расправляя тело под горячим солнцем. В этот момент колокола на башне капеллы исполнили полный вестминстерский перезвон[7 - Имеется в виду мелодия, которую отбивает Биг-Бен, отмечая каждую пройденную четверть часа. Прим. ред.], добавив к нему еще один отчетливый удар: был час пополудни.

В общежитии царили гул и суета: дети и родители сосредоточенно носили и расставляли по местам всевозможные вещи. Бен с отцом были одеты в длинные шорты хаки и футболки поло, но без солнцезащитных очков, ибо темные очки казались бы здесь дурным тоном.

В комнате номер двадцать четыре оказалось пусто. Там имелись две кровати с покрытыми зеленой резиновой тканью, точно в операционной, матрасами и два письменных стола. Бен с отцом поставили первые принесенные вещи на пол. Три окна в стене напротив выглядывали на заднюю парковку, на большую лужайку перед ведущей сюда двухполосной дорогой и на спортзал, отстроенный из шлакобетонных блоков. Бен уже знал, что если высунет голову в окно, то увидит справа, вверх по склону сквош-центр. Ветра здесь почти не ощущалось: его порывы с трудом пробивались сквозь густые кроны деревьев.

На каждом из столов новоприбывшего ученика ждала папка, где имелись схематично расчерченная карта школьной территории, а также расписание занятий на первые дни. А сверху лежала маленькая книжечка в темно-синем ледериновом переплете. Солидными золотыми тиснеными буквами на нем значилось: «Спутник ученика школы Сент-Джеймс», а обрез книги был выкрашен красным. Бен выбрал себе кровать и стол, стоявшие слева, и сунул книжечку в верхний ящик стола.

Снаружи старшеклассники обнимались после долгих каникул и смеялись. Бен принес в комнату торшер, а отец – полочную акустическую систему, сунув себе под мышки по колонке. Они установили стереосистему, повесили на стену постер Эшера с муравьями, ползущими по ленте Мёбиуса. Еще отец вручил Бену небольшую, размером три на пять дюймов, репродукцию картины Одюбона с бескрылой гагаркой – таким забавным пингвином, смотрящимся как напыщенный лондонский аристократ. Репродукцию поместили в потертую

золоченую рамку, после чего Бен воткнул в дверь с наружной стороны канцелярскую кнопку и повесил рамку на нее. Он представлял, как к нему в комнату зайдет однажды какая-нибудь девчонка с коротенькой стрижкой, и последнее, что она увидит, прежде чем устремит на него взгляд, – эту необычную и очаровательную картину.

На парковке уже в полной мере ощущался невыносимый зной. Листва на ярком солнце отливала белым. Цикады вовсю стрекотали, и казалось, что производимый ими шум был голосом самой жары.

Всякий раз, прогуливаясь за вещами до машины и обратно, Бен кивал и сдержанно улыбался любому новому человеку, что попадался ему на пути. Девочки вели себя точно так же, курсируя вместе с родителями между прямоугольной парковкой и соседними общежитиями.

Бен поглядывал на девочек, но старался все же слишком откровенно их не рассматривать. Он заметил нескольких очень симпатичных девчонок, а еще нескольких как будто внезапно похорошевших. Даже окидывая их быстрым взглядом, торопливо шагая мимо с нагруженными руками, Бен сразу замечал, насколько неловко те себя чувствуют. Ему встретились пара девочек, похожих на тех, что учились с ним в Сиднее – той школе, куда он ходил дома. Казалось, длинную красивую шею у них только сейчас приставили к остальному телу, а глаза лишь недавно перестали быть слишком близко посаженными. И хотя Бен не знал, как все это смотрелось раньше, но непривычность этого нового облика для самих девочек ощущалась вполне явно. Девочки, что всегда были красивыми, воспринимали чужое внимание как совершенно обыденное явление, даже как нечто порядком надоевшее. И Бен не мог их за это винить. Однако на «внезапно похорошевших» никогда прежде никто особо не заглядывался – ни мальчики, ни мужчины, ни девочки, привыкшие к своей красоте, – и от этого они, казалось, воспринимали внимание окружающих с каким-то пьянящим волнением и болезненной чувствительностью.

Бен испытывал некоторое чувство родства с этими внезапно похорошевшими девчонками, потому что к нему тоже лишь теперь стали всерьез проявлять внимание как к человеку, что-то собой представляющему. А все потому, что в прошлом году Бен из просто хорошего игрока в сквош сделался лучшим в стране сквошистом в детско-юношеской категории. Даже в столь узком мирке (ведь занимался он тем видом спорта, о котором большая часть Америки и знать не знает!) эта неведомая прежде слава и то, как тренеры и родители, да и другие

игроки стали быстро пересматривать свое отношение к нему, давая Бену новую оценку, казались ему чем-то особенным.

Бену нравилось чувствовать, как к нему проникаются уважением окружающие, ему приятно было, расправив плечи, ощущать лежащую на них мантию превосходства. Однако он не любил хвастаться и много говорить о своей персоне: это пахло бы излишним самомнением. Но когда Бен, победив в очередной игре, улыбался и вскидывал над головою руку, повернувшись к толпе зрителей, это, по крайней мере, выглядело естественно и спонтанно. А потом на него как будто находило какое-то затмение, его словно затягивало водоворотом сомнений, когда этот триумф, которого он так долго жаждал, к которому из всех сил стремились все прочие игроки вокруг него, за который так пламенно болел его отец, – когда этот триумф казался ему не совсем таким, какого он ждал. Каждый раз, когда на него взирали все эти люди вокруг, Бен почти физически ощущал, как они пытаются оценить, насколько близко соответствует этот реально существующий мальчик тому образу отпрыска Уиксов, какой все ожидают увидеть.

Он надеялся, что его все же заметили эти внезапно похорошевшие девочки, ибо с ними Бен испытывал некоторое внутреннее родство.

Наконец все вещи в комнате как будто встали на свои места, и Бен с отцом решили сходить осмотреть новые корты. Когда они спустились по лестнице к заднему выходу из корпуса Хоули, мальчик снова подумал, что Мэнли Прайс, должно быть, ждет их там, хорошо зная, сколько времени Бен уже пробыл на кампусе. Не торопясь, они направились вверх по склону к новенькому зданию сквош-центра.

Игра сквош – когда два игрока в помещении размером где-то в два гаража лупят в стену резиновым мячом, причем каждый пытается сделать так, чтобы мяч скакнул по полу два раза, прежде чем его успеет отбить другой игрок, – появилась в Англии в тридцатых годах девятнадцатого века и быстро распространилась по всем британским колониям. Школа Сент-Джеймс, которая с самого основания отчаянно пыталась во всем имитировать Англию – и в архитектуре, и в учебной программе, и во внеурочных занятиях и хобби учеников, – в 1885 году отстроила первый в Соединенных Штатах корт для сквоша. В те времена не было каких-то жестких стандартов касательно размеров корта, и так получилось, что в школе Сент-Джеймс корт оказался несколько более узким, чем те, что уже принято стало строить в Англии. В Сент-

Джеймсе, а затем и в других сквош-клубах и школах в Филадельфии, на Бруклинских холмах и в Канаде играли зимой еще до того, как в домах появилось постоянное отопление. А поскольку холодная резина не так упруго отскакивает от стены, американцы разработали мячи с особой плотностью, которые хорошо сохраняют тепло и шустро двигаются даже тогда, когда от дыхания в помещении идет пар.

Однако во всем остальном мире стандартом принят был более широкий и короткий корт. И мяч делался из такого материала, что его можно было сжать пальцами, и в таком теплом климате, как в Индии или Гонконге, он не требовал от игрока особой активности. А потому параллельно стали существовать два типа сквоша: «хардбольный» в Америке и «софтбольный»[8 - Не стоит путать с разновидностью бейсбола, существующей под таким же названием. Прим. ред.] во всем остальном мире, причем американский вариант сделался некой причудливой, весьма обособленной версией игры.

И именно в этот американский вариант и играли все, кто с детства окружал Бена. Его отец, Гарри, играл в команде школы Сент-Джеймс в середине шестидесятых и на всю жизнь остался фанатично увлеченным сквошистом, навещающим к себе в клуб по три раза в неделю. Мэнли Прайс после того, как Гарри окончил школу, сам сделался тренером, и много раз отец Бена выражал искреннее сожаление, что в «эпоху Прайса» его там уже не было. Гарри и его друзья по клубу после душа надевали одноразовые бумажные шлепанцы, припудривали свои интимные органы тальком, причесывались, специальным металлическим штоком вытягивая себе расческу из банки с барбицидом[9 - Барбицид – дезинфицирующий раствор, используемый парикмахерами и косметологами для дезинфекции инструментов, таких как расчески и ножницы для стрижки волос. Прим. ред.], пили скотч и играли в нарды. Как-то так вышло, что Гарри не завел тесной дружбы с представителями других именитых семейств, которые в такие клубы были вхожи и которые сами основывали подобные клубы. Близкими его друзьями – и, пожалуй, даже единственными друзьями, что он имел, в отличие от мужей подруг жены, – стали Чип и Пол, с которыми он чаще всего играл в сквош. Чип был инженером из городка Уилметт, штат Иллинойс, а Пол был страховым агентом из Хьюстона, и оба переехали в Коннектикут, чтобы работать в United Technologies и страховой компании Sigma соответственно. Чип и Пол оба увлеклись сквошем, уже будучи взрослыми людьми. Такие «поздно начавшие» игроки всегда самые активные и неутомимые, и в клубе они оказались единственными сквошистами, кто, по мнению Гарри, по-настоящему жестко играл. Все трое никогда не ездили на официальные соревнования по сквошу, играя лишь между собой в бесконечных

турнирах на выбывание. Все трое стремительно ныряли по корту за мячом, все трое разбивали в кровь колени, все трое носили усиленные защитные скобы и никогда не пропускали тренировки.

И хотя Гарри устыдился бы, поймай его кто-либо на подобных мыслях, он все же всегда считал, что в социальном плане стоит гораздо выше, чем двое его друзей. Пребывать в их компании Гарри нравилось отчасти потому, что ему не требовалось производить на них какое-то впечатление, поскольку они не могли в полной мере оценить все приличествующие его классу нюансы и проследить, насколько строго он придерживается правил своего круга и придерживается ли их вообще. Когда Гарри оказывался среди настоящих «васпов»[10 - От WASP (англ. White Anglo-Saxon Protestant) – популярное идеологическое клише в середине XX века; термин, обозначающий привилегированное происхождение. Аббревиатура расшифровывается как «представитель европеоидной расы, протестант англосаксонского происхождения». Имеет хождение преимущественно в странах Северной Америки. До изменения демографической ситуации в связи с иммиграцией акроним WASP был аналогичен понятию «стопроцентный американец», обозначающему представителей более зажиточных слоев общества США, ранее игравших доминирующую роль в формировании элиты американской политической и экономической жизни. Прим. ред.], он порой начинал чувствовать, будто впустую тратит время с Чипом и Полом, однако всегда с огромным облегчением встречался с ними вновь.

Сквош Гарри использовал как свой инструмент воздействия на Сент-Джеймс. Таким образом он мог уравновесить влияние своего брата Рассела – Рассела Уикса, основателя и председателя фонда Landreach Capital. С собственным домом на Восьмидесятой улице и собственным парком, с еще одним домом в Амагансетте, курортном городке у океана. Он заседал в попечительском совете школы, каждый год проводил ревизию учебников и являлся соавтором Ежегодного отчета. В 1992 году Рассел преподнес школе щедрейший подарок в виде нового оснащения для ученической обсерватории – включая телескоп, в семь раз мощнее предыдущего. Гарри тоже каждый год не обходил школу вниманием, однако он гордился тем, что всякий раз лично уделяет ей время: когда команда по сквошу школы Сент-Джеймс играла с командой школы, к примеру, из Коннектикута или с юга Массачусетса, отец Бена непременно отправлялся поболеть за своих, а заодно обсудить с Мэнли Прайсом стратегию игры и его тренерские подходы.

У себя в клубе они с Чипом и Полом играли в американский вариант сквоша, однако Чип, поработав какое-то время на компанию Siemens в Мюнхене, освоил софтбольтный сквош на тамошних международного стандарта кортах, а потому, вернувшись в Штаты, стал воспринимать сквош по-американски так, будто молотил по каучуковому мячу в тесной кладовке. И вот в долгом и настойчивом приступе недовольства он отстроил у себя на заднем дворе из шлакоблоков и гипса «международный» корт для сквоша, назвав свой мини-клуб «Микроном» в честь своей излюбленной единицы измерения. Бену и еще нескольким местным ребятишкам он вручил ключи от корта, сказав, что они вольны пользоваться им, когда только захочется.

От дома, где жил Бен, до загородного сквош-корта было шестнадцать минут езды на авто, а до «Микрона» – семь минут на велосипеде, а потому в одиннадцатилетнем возрасте Бен, скорее из инертности, начал где-то девяносто процентов своих тренировок проводить на корте больших размеров, играя в международную версию сквоша мячом международного стандарта. В конечном счете и он, и другие ребята, оказавшиеся в «Микроне», приобрели гораздо более хорошую спортивную подготовку, нежели их соперники на соревнованиях, поскольку мягкий мяч «убить» куда сложнее. Их розыгрыши длились дольше, однако количество нужных очков не совпадало с американской версией[11 - В американской системе счета (PARS) игра ведется до 15 очков, в международной версии обычно до 9 очков. На соревнованиях играют до 3 побед, но не более 5 геймов. Прим. ред.], к тому же и подачи у них не имели требуемой точности, а потому ребята почти неизбежно проигрывали во втором или третьем раунде любого турнира, куда им доводилось попасть.

В назначенные дни недели Бен с ребятами играл в «Микроне» по четыре-пять часов кряду, успевая три-четыре раза сменить намокшую футболку и носки. Иногда после школы, или после ужина, или когда ночью было не заснуть, Бен приезжал в клуб на велосипеде и просто в одиночку отрабатывал всевозможные удары. Он проводил там долгие часы и всякий раз удивлялся, когда, выйдя из клуба, узнавал, который час. И нередко, приходя в ванную, чтобы перед сном почистить зубы, Чип видел в окошко, что на корте горит свет, и слышал приглушенные звуки ударов мяча о ракетку и чуть более низкие – ударов о стену.

Бен и сам точно не мог бы сказать, зачем он этим занимается. Но что-то успокаивающее было в этих границах корта, в постоянстве этого мира с его четырьмя стенами, мячом и ракеткой, и ему оставалось лишь подчиняться этим

имеющимся границам и принимать лишь те немногие решения, что они ему диктовали.

Мать Бена, Хелен, слышала, как по средам ее сын возвращается домой в одиннадцать вечера, и ее саму удивляло, что за странное беспокойство охватывало ее в связи с этим. Она знала, что Бен не интересуется наркотиками, что он не бьет нигде витрины и окна. Знала, что не брюхатит соседских девушек. Но вместо этого он все больше погружался в какую-то глубокую уединенность, всецело поглощенный своим увлечением, и она беспокоилась, что сам он уже не сможет от этого освободиться. Гарри говорил ей, чтобы она не вмешивалась. Мол, неужто она не помнит себя ребенком? Не помнит, как у нее тоже имелись свои одержимости, свои маленькие идеи фикс? Естественно, она это помнила. Бывало, летними днями, когда так трудно было заставить себя заняться каким-то делом, требующим активности (например, упражняться на пианино, о чем постоянно напоминала ей мать, или отправиться с подругами на пляж), Хелен доставала все свои украшения: тонкую цепочку с иконкой святого Христофора, прелестный браслетик с гибкой рыбкой и вращающимся чертовым колесом, нежное ожерелье из речного жемчуга – складывала в кучу, перемешивала, пока все как следует не спутается, после чего принималась это распутывать.

– Вот видишь! – подхватывал Гарри. – У всех детей что-нибудь этакое бывает. Просто наш играет в сквош.

И все же, думала Хелен, а что, если это нечто, жестко ограниченное правилами, и ему навяжет свою установленную форму? Что, если он никогда не испытает даже потребности не подчиниться правилам? В то же время она понимала, что Гарри не может судить об этом непредвзято и что он отреагировал бы совсем иначе, если бы эта заикленность сына была сосредоточена на чем-то ином, а не на сквоше.

И вот в течение пары лет Бен только и делал, что играл в сквош, и тем не менее они с друзьями по «Микрону» все равно пребывали где-то в конце середнячков.

Но потом, в начале девяностых, американскому сквошу все же наскучило сидеть в удаленной от всего мира глуши, и колледжи Соединенных Штатов захотели иметь возможность привлекать в свои команды иностранных игроков. И вот когда колледжи и клубы один за другим принялись переделывать свои корты под международный стандарт – внезапно оказалось, что Бену вовсе не надо к

ним адаптироваться. Когда он тянулся за мячом, его ракетка всегда достигала цели; когда он даже забывался в игре, мяч сам собой ударялся в нужную точку. Все ребята из «Микрона» как-то разом поднялись в рейтинге, и все же Бен потратил на отработку и прием ударов столько времени, сколько не тренировался ни один из них, а потому ему всегда удавалось отбить на мяч-другой больше, сделать более хороший выбор при подаче и всегда хватало для победы решающего полудюйма.

Что-то переменялось, когда он начал побеждать своих товарищей по «Микрону», а затем выигрывать и официальные турниры. Прежде они все вместе слонялись без дела, слушая записи The Allman Brothers[12 - The Allman Brothers Band - американская рок-группа, образованная в 1969 году в Джексонвилле, штат Флорида, признанная «главными архитекторами южного рока»; использовали в своей музыке элементы хард-, кантри- и блюз-рока, включали в концертные выступления продолжительные импровизации. Прим. ред.] или Led Zeppelin на старенькой стереомагнитоле позади своего клубного корта, или поддерживали друг друга при поражениях в суровых поединках четвертьфиналов. Вместе они рассаживались на тоненьких покрытиях спортзалов колледжей или в холлах частных клубов, потягиваясь всем телом и подшучивая друг над другом. Вместе складывали марлевые салфетки, приклеивая их пластырем к подошвам ступней, где мозоли порой натаптывались толщиной чуть не с апельсиновую корку. Вместе поедали энергетические батончики один за другим, откусывая по чуть-чуть, чтобы никогда не выходить на корт чересчур сытыми. Вместе запихивали насквозь пропитавшуюся потом одежду в пластиковые магазинные пакеты и, старательно выдавив оттуда воздух, туго завязывали, а потом, забыв открыть их по возвращении домой, обнаруживали там спустя какое-то время целые колонии плесени. Вместе смеялись над задиравшими носы ребятами из пятерки лидеров, чьи отцы в случае их проигрыша уходили с корта белыми как полотно.

Но когда Бен начал побеждать, причем побеждать очень часто, остальные ребята стали вести себя с ним немного сдержаннее, а вскоре, когда они обращали на него взгляд, в их глазах словно появлялся какой-то лаковый налет. Когда Бен еще не успевал уйти с корта, он видел, как они сидят все вместе, уже принявшие душ и надевшие спортивные костюмы. Неожиданно у них оказывались какие-то свои шутки, которые придумывались без него. Единственный, кого это как будто не затронуло, был Тим, но все-таки Тим, похоже, никогда всерьез не проникался сквошем.

И теперь, когда Хелен стала приходить смотреть игру сына, когда она наблюдала, как он неизменно обходит других ребят, ее начал мучить вопрос: а не слишком ли Бен привыкает к победам? Похоже, он уже сам ожидал от других восхищения. Она видела, как он, сжав губы в узкую улыбку, выходил на корт в самом начале турнира, воспринимая аплодисменты болельщиков просто как внезапный дождик. В ее глазах он был прекрасен – худенький, но сильный, с блестящими серыми глазами, – но, положив руку на сердце, она не могла точно сказать, то ли это лишь ее, чисто материнская необъективность, то ли действительный его образ в реальном мире. И несмотря на то что Хелен всей душой болела за него, все же, когда Бен выходил на корт и находил ее глазами, она непроизвольно старалась сохранять непроницаемое лицо, словно пыталась встать на другую сторону весов, словно пыталась убедить его, что победа, конечно, важна, но есть и еще много других, не менее важных вещей, таких как, например, быть добрым и великодушным, и пользоваться уважением друзей, и не мнить о себе слишком много.

Но когда она видела сына в игре, видела, как слаженно, скоординированно двигаются его руки и ноги (хотя, кажется, совсем недавно ее мальчик научился самостоятельно стоять!), видела, как он отбрасывает со лба назад угольно-черные волосы, видела, как он складывает бандану до идеальной ширины (притом что сама Хелен никогда не показывала ему, как это делать) и как завязывает ее вокруг головы, – все это вместе, само его упругое, пружинистое существование порой удивляло ее и внушало ей страх, что Бен окажется не таким мягким и беззлобным, как его отец, и куда менее открытым сердцем.

Старший сын, Тедди, давно уже вышел из-под ее контроля. На самом деле еще до того, как Тедди научился говорить, Хелен поняла, что он рано отобьется от рук. Даже напрягая память, она с трудом могла припомнить, когда в последний раз Тедди с кем-то или с чем-то обращался мягко и по-доброму. Однако в Бене всегда присутствовала какая-то нежность. Потому-то ее теперь так и тревожило то, что Бен стал очень хорошо играть в сквош, поскольку она знала, что нежность нуждается в заботе, в особом пестовании. Чувствовалось в нем что-то от ее деверя, Рассела, и это что-то, возможно, стало чересчур развиваться, когда Бен начал всех побеждать.

И тем не менее, несмотря на нескрываемое мамино беспокойство и изменившееся отношение к нему бывших приятелей по «Микрону», Бен с наслаждением предвкушал пребывание в составе команды по сквошу школы Сент-Джеймс – легендарной команды Мэнли Прайса «Поток». Выкрашенные

золотой краской деревянные таблички в школьном вестибюле тридцать четыре раза сообщали об их победах в чемпионатах Новой Англии. Причем одиннадцать раз – в период с 1979 по 1991 год. Это была триумфальная серия побед!

Суперигрок «Потока» Блейк Перкинс четыре раза подряд, начиная с 1984 года, выигрывал чемпионат Независимой школьной лиги в личном зачете и дважды в споре за титул побеждал второго по значимости игрока своей команды.

Такое продолжительное лидерство имело два объяснения. Одним из них был сам Мэнли Прайс, который постоянно повторял те лозунги, что ныне, вышитые на фетровых баннерах, висели в вестибюле школы: «Возможно, кто-то нас и обыграет, но победу им придется вырвать кровью!» и «В игре выкладывайся на все сто!».

Даже перевалив за пятьдесят, Прайс вместе со своими ребятами частенько бегал на короткие дистанции. Он умел четко объяснить механику тех или иных ударов, но никогда не давил на подопечного, умея остановиться, когда игрок терял уверенность в себе. Был он вдовцом и, по слухам, полуночным алкоголиком, и это придавало ему некое трагическое величие, что давало повод ребятам в каждый игровой сезон придумывать для себя, образно выражаясь, сказание для нового крестового похода: мир несправедливо обошелся с их тренером, и теперь они своим бескорыстным участием способны это исправить.

Вторым объяснением долгой череды побед явилась система подогрева под кортами Сент-Джеймса. С сороковых годов она была любимым детищем Эда Понятовски, главного техника-ремонтника школы, который осуществил там столько промежуточных переделок и держал в голове такое множество сиюминутных поправок, что, когда он умер в 1976 году, отопительный котел быстро вышел из-под контроля. Заведующий спортом выделил средства, чтобы его заменить, однако Прайс убедил его оставить все как было и вместо этого стал учить ребят играть в сложившихся условиях.

Восемьдесят процентов времени система отопления почти что не работала, и на кортах Сент-Джеймса было едва ли не так же холодно, как на улице. Мячи для сквоша, будучи холодными, отскакивают гораздо хуже, и хотя согреваются они главным образом от ударов, все же именно царящая на корте температура определяет темп игры. На холодном корте движение мяча замедляется, и потому намного проще выиграть посредством дроп-шотов[13 - Дроп-шот, или дроп, – укороченный удар о переднюю стенку, который делается как можно ниже к линии аута. Прим. пер.] и труднее – с применением силы. Ребята из

команды Сент-Джеймса играли у себя в длинных тренировочных костюмах и шерстяных свитерах, они научились буквально соскребать с пола каждый мяч, брать каждый отскок из дальних углов и загонять мяч в глубину корта, ударяя его высоко о переднюю стенку.

Впрочем, когда отопительная система внезапно пробуждалась и воздух над радиаторами начинал дрожать, игроки посылали свои мячи свечой так высоко над головами, что их почти невозможно было брать. Когда на корте жарко, мяч отскакивает все выше и выше, и сделать в завершение резаный укороченный бросок, так называемый «килл», становится все труднее. Игроки Сент-Джеймса учились бегать, бегать и бегать по корту, учились быть терпеливыми и не пытаться форсировать момент, делать надежные и выверенные подачи, а не напористые и случайные, когда наугад прорываются к победе. Они учились точными ударами укладывать мяч в «ник» – в самый стык стены и пола, – чтобы посылаемые ими «дропы» не отскакивали слишком высоко. Они учились аккуратно запускать свечу над головой соперника, чтобы дать мячу «затухнуть» в заднем углу корта.

Со временем обитавшую под кортом непредсказуемую печь все стали называть Драконом. Благодаря своему Дракону команда школы Сент-Джеймса могла играть абсолютно где угодно, однако их соперникам почти что никогда не удавалось выиграть в условиях сент-джеймсского корта.

А еще Прайс обещал пятьсот долларов любому из своих сквошистов, кто сумеет обойти самого медленного из участников профессионального забега на две тысячи метров («по двадцать пять центов за метр»), и дважды вынужден был заплатить. Ни в одной другой школе игрокам не устраивали такого фитнеса, такой спортивной подготовки, и те ребята, которые не могли вытерпеть посылаемые их нервной системой сигналы бедствия, просто выбывали из команды.

Успех порождает успех, и за команду из Сент-Джеймса захотели играть лучшие сквошисты с Бруклинских холмов из Филадельфии. Прайс отбирал себе игроков таким способом, который другим тренерам казался безжалостным и даже, пожалуй, пафосным. В конце концов, считали они, это был всего лишь школьный сквош!

Мэнли Прайс как будто реял над школьной рутинной, над скучными, сменяющимися друг друга уроками и домашними заданиями, являясь чем-то более исконным,

более изначальным, хранящим сам бессмертный замысел этой школы, далекие аскетичные начинания Новой Англии. Когда кто-то упоминал о Прайсе, казалось, речь идет скорее о какой-то библиотеке или часовне, нежели о частном лице.

К середине восьмидесятых команда сквошистов стала называть себя «Поток». Перед турнирами ребята любили сгрудиться кучкой и начать скандировать:

– Сухим ты не уйдешь: «Поток» тебя умоет! Сухим ты не уйдешь: «Поток» тебя умоет!..

Когда Бен был еще весьма посредственен в хардбольном сквоше, он всегда надеялся попасть в «Поток», хотя и понимал, что окажется там в самом низу лестницы, а может, даже в разряде новичков. Когда Прайс появлялся на турнирах, ища в свою команду новых игроков, ребята подталкивали друг друга локтями и некоторые из них, ощущая на себе его пристальное внимание, начинали биться заметно хуже.

А потом, когда Тедди уже пятый год учился в Сент-Джеймсе, а Бен как раз поступил в седьмой класс, на корте номер четыре отвалился пласт штукатурки и выбил у игрока из рук ракетку. В одночасье американского образца корты школы Сент-Джеймс из классических перешли в категорию безнадежно устаревших, и тогда отец Бена выступил со своим проектом. Вместе с группой других ветеранов школьной команды по сквошу он пообещал собрать шесть миллионов долларов, чтобы заменить наконец старую отопительную систему и в целом преобразовать объект в широкие, международного типа, корты для софтбольной игры.

И вот когда в 1994 году в Гарвардском университете на «международных» кортах проводились юношеские турниры по сквошу, Мэнли Прайс приехал посмотреть на игру, и, после того как Бен ушел с корта, не спустив ни одного гейма в полуфинале, Прайс подловил его в холле возле кулеров. Бен кивнул ему в знак приветствия и улыбнулся, однако был еще слишком запыхавшимся, чтобы хоть что-нибудь сказать, и порадовался, что у него нет сил, даже чтобы просто начать нервничать. Он наполнил бумажный стаканчик водой и отхлебнул из него немного, а Прайс продолжал стоять возле него со сдержанной и почему-то напряженной улыбкой.

Бен чуть отступил от кулера, чтобы между ними образовалось какое-то защитное пространство. Прайс однозначно хотел ему что-то сообщить, и Бен выжидающе взглянул в изрытое морщинами лицо этого человека, потом посмотрел на его пшеничного цвета свитер с дырочками по каймам и на правом рукаве, на его стоящие торчком волосы, похожие на обрезанную кисточку кукурузного початка.

Наконец Прайс сложил два пальца и уткнул их Бену в грудь.

– Ты! – изрек он.

Бен сделал вид, будто он еще слишком тяжело дышит, чтобы говорить. Он просто улыбнулся, будто услышал какую-то веселую шутку, и еще раз отхлебнул из стаканчика.

– У тебя это есть. Наша полоса побед окажется преамбулой к твоей игре.

Бен ощутил дыхание Прайса – точно дух залежалой опавшей листвы.

Прайс по-прежнему не сводил с Бена глаз, и тот коротко кивнул, надеясь, что это получилось достаточно вежливо и показывало признательность за то, что только что сказал ему Прайс. Лишь теперь Бен осознал, что это была высочайшая похвала, о которой он даже не мог и мечтать. Словно похожий на реальность сон, который может привидеться в тот момент, когда ты уже не бодрствуешь, но еще не заснул окончательно.

– Ты ведь способен «убить» противника, верно? Сейчас-то противники по сравнению с тобой слишком бледные, так что мне трудно судить. Но ты мне вот на что ответь: если найдется кто-то, такой же сильный, как ты, или даже еще сильнее, – готов ты будешь с ним побиться? Сможешь выйти на корт и его сразить?

Бен кивнул, потому что именно это от него всегда и требовалось, и Прайс удовлетворенно улыбнулся – морщины на его лице углубились и сошлись вместе, глаза превратились в две блестящие щелочки.

– Так что давай-ка, береги себя. И готовься к поступлению.

На этом Прайс резко развернулся и ушел, как будто напрочь забыв о существовании Бена.

Умел ли Бен сражаться по-настоящему? Ведь всего-то полгода, как он начал всех побеждать, как преодоление сопротивления другого игрока стало казаться ему делом неизбежным. Если бы он попытался описать это состояние, то сказал бы, что ему нравилось, когда у него по жилам разливается невероятная энергия. Но была ли это страсть к победе? И было ли уничтожение противника целью этой неведомой прежде мощи?

К нему подошли другие ребята из «Микрона». Что, мол, сказал ему Прайс? Что он такое хотел узнать?

В тот вечер, победив в финале – когда он торжествующе повернулся к трибунам и увидел, что все взоры устремлены лишь на него, когда он даже не слышал аплодисментов, но ощущал на себе тяжесть прикованных к нему восторженных зрительских взглядов, – в тот вечер Бен рассказал отцу, как Мэнли Прайс подошел его поприветствовать.

– Он был в приподнятом настроении? – спросил отец.

– Ну да. Он очень любезно со мной поговорил. В том смысле, что играл я там, кажется, на лучшем уровне.

Отец от души обнял его, и Бен даже почувствовал, что тот старается не стиснуть его в объятиях слишком сильно. В тот момент Бен пожалел, что этого не видит Тедди. Хотя в то же время он был рад, что Тедди с друзьями махнул в Колорадо, на горнолыжный курорт Вэйл, кататься по весне на лыжах.

И вот, словно цветок, распускающийся исключительно для него, летом того года, когда Бену предстояло поступить в школу Сент-Джеймс, там открылся новый сквош-центр: с двенадцатью международного образца кортами, с современной системой обогрева, с полной переделкой внутреннего убранства старого кирпичного здания без изменений его внушающего уважение внешнего вида.

Когда архитектор передал окончательный проект перестройки центра, отец Бена разложил его на большом обеденном столе в столовой, и целых три недели семье приходилось ужинать в кухне. Наконец-то у Гарри будет кое-что

внушительное, что можно противопоставить брату Расселу!

И вот в первый день пребывания Бена в школе они с отцом, слегка вспотев, пока относили в общежитие последнюю коробку, понимающе кивнули друг другу, сойдясь на том, что непременно надо сходить посмотреть на новые корты. Мальчик ожидал, что отец будет трепетать от волнения, однако тот хранил молчание, и Бен предположил, что отец, возможно, уже тревожится насчет предстоящего отъезда. Или, может быть, боится воочию узреть то, что он так долго предвкушал увидеть.

Под ярким палящим солнцем они подошли к гигантской печи, уже мохнатой от ржавчины, накрепко приделанной болтами к бетонному постаменту размером десять на десять футов, который установили у входа в новый сквош-центр. Выглядела она точно прародительница древних механических быков. Ниже, на скошенной стороне полированного гранитного блока, виднелась бронзовая табличка:

Дракон

1935–1993

Сквош-центр школы Сент-Джеймс

Вдвоем они прошли внутрь, к самим кортам, по-прежнему не говоря друг другу ни слова (возможно, из особого почтения к этому месту), и, любовавшись двумя кортами для сквоша с застеленных ковровым ступеней трибун, вышли наружу, под слепящее солнце, и медленно направились к зданию общежития, смешавшись с прочими учащимися и суесящимися вокруг них взрослыми. Бен поймал себя на том, что в душе, похоже, ожидал, что Мэнли Прайс буквально живет на этих кортах.

– В самый первый день родители задерживаются тут слишком долго, – с улыбкой сказал Бену отец. – И от этого всем только хуже.

А потому, дойдя до крыльца корпуса Хоули и пропустив вперед двоих ребят, которые заносили в общежитие каркас для футон-матраса, Бен крепко обнял на

прощание отца. Наконец они отстранились друг от друга, отец плотно сжал губы, и вскоре его «Вольво» аккуратно вырулил с парковки. На этом связь Бена с внешним миром оборвалась.

Глава 2. Кулачники поневоле

Проводив взглядом отца, Бен вновь повернулся к общежитию, оказавшись перед входом уже один, и лишь теперь вспомнил о своем соседе по комнате.

Представив, как они сядут вдвоем поболтать после вечерней проверки, как поделятся, кто откуда приехал, Бен сумел притупить внезапно нахлынувшую на него тоску по дому.

Тут же появился приставленный к Бену старший товарищ, который должен был шефствовать над ним в первые дни пребывания в школе. Он представился как Эйвери и крепко пожал Бену руку. Извинился, что не пришел помочь носить вещи. Эйвери оказался гребцом-академистом из школьной команды. У него было прыщавое лицо, которому явно суждено было остаться рябым, а еще он, похоже, почему-то кичился тем, что от него за километр разит потом. Вместе они прошли к дому ректора, дабы лично выказать почтение мистеру Эстону (в любой другой частной школе Эстон именовался бы директором, однако в Сент-Джеймсе сохранили название «ректор», признавая религиозные истоки заведения). Затем Эйвери отвел Бена в канцелярию, где новенькому сразу же оформили ученическое удостоверение. Отведя Бена обратно к корпусу Хоули, Эйвери сказал, что увидятся они на большом ужине, как именовалась в школе традиционная всеобщая вечерняя трапеза в столовой.

Бен зашел в общежитие. На втором этаже он распахнул противопожарную дверь с широким окном, затянутым проволочной сеткой, и двинулся по коридору, разглядывая свой новенький ученический билет и водя большим пальцем по глянцевому фото. Сейчас он даже пожалел, что так худ: на фотографии у него под скулами пролегли легкие тени.

Бен не знал, что в команде юниоров его прозвали Щепкой.

Убрав наконец удостоверение в карман, он обратил внимание, что дверь в комнату двадцать четыре слегка приоткрыта. И хотя он не слышал оттуда ни

звука, Бен уже вообразил, что парнишка, его сосед, наверняка увлекается The Allman Brothers, и чуть ли даже не услышал из своей комнаты запись какого-нибудь альбома этой группы. Но тут он обнаружил, что с двери пропала репродукция с бескрылой гагаркой. Изнутри комнаты теперь слышались протяжный, раздражающий металлический скрежет и глухие ритмичные удары. Остановившись на пороге, Бен увидел, что приоткрытая дверь подперта серым резиновым клином. Несколько мгновений он просто неподвижно глядел на происходящее в комнате, пользуясь тем, что его никто пока не заметил.

За одним из столов, слегка разомкнув пересохшие губы, сидел очень смуглый подросток в нарядной, сливового цвета рубашке и разглядывал карту школы из приветственной папки для новоприбывших. У дальней стены стояла разобранный на части кровать, и два низкорослых и очень поджарых мужичка в темных комбинезонах что-то сооружали. Один, опустившись на колени над небольшим торцовочным станком, отрезал бруски два на четыре дюйма, а второй их приколачивал к стене.

Бен поглядел на лицо подростка, и оно показалось ему совершенно ясным и спокойным. И тут же Бен осознал, что собственное его лицо, которое он пытался делать таким же непроницаемым, напротив, чуть ли не каждую секунду выдавало все сомнения, страхи и отчаянное предчувствие будущего, равно как и немислимые усилия скрыть эти сомнения, страхи и это отчаянное предчувствие. И даже когда Бен окончательно уразумел, что это и есть его сосед, он все равно не мог отделаться от стойкого ощущения, что парень просто ошибся комнатой.

Первым Бена заметил тот рабочий, что стоял на колене над станком. Он вскинул взгляд на вошедшего, потом быстро поднялся и опустил руки по швам, почти как в армии.

– Здравствуйте, – как будто с нарочитой отчетливостью сказал он Бену, в то же время оборачиваясь на сидевшего за столом парня.

Другой рабочий развернулся, машинально взяв перед собой двумя руками молоток.

Подросток поднял глаза от карты и посмотрел на Бена так, будто только что вышел из темного подвала на яркое солнце. Чаще всего, когда Бен встречался с новыми людьми, он в этот момент особо не задумывался, по душе они ему или

нет, – почти всегда он думал лишь о том, понравится ли он им. Но сейчас Бен понял, что этому парню он определенно понравится, и, даже мысли не имея как-то этим воспользоваться, почувствовал в себе неожиданную жестокость. Мальчишка слишком быстро вскочил, так что его стул закачался на задних ножках. Стоявший вблизи рабочий сделал движение, чтобы стул остановить, однако через мгновение тот снова закачался.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Наиболее опытные и профессиональные игроки используют мячи Dunlop Pro. Такой мяч имеет две желтые точки и часто называется «мяч с двумя желтыми точками». Прим. ред.

2

Старый Пенсильванский вокзал, истинная гордость Нью-Йорка, был снесен в 1963 году. Прим. пер.

3

Полная фраза из Библии звучит так: *Vade ad formicam o piger et considera vias ejus et disce sapientiam* («Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым»). Прим. пер.

4

Grateful Dead (досл. «Благодарный мертвец») – американская рок-группа с лидером Джерри Гарсией, основанная в 1965 году в Сан-Франциско. После выступлений на фестивалях в Монтерее (1967) и в Вудстоке (1969) заняла значимое место на американской музыкальной сцене и в контркультуре. Прим. ред.

5

N.W.A. (англ. Niggas With Attitude – «Нигеры со своим мнением») – американская хип-хоп-группа из Калифорнии, считающаяся одной из основательниц поджанра гангста-рэпа с криминальной тематикой. Существовала с 1986 по 1991 год. Прим. пер.

6

Питер Норт (р. 1957) – канадский порноактер, кинопродюсер и порнорежиссер. Прим. пер.

7

Имеется в виду мелодия, которую отбивает Биг-Бен, отмечая каждую пройденную четверть часа. Прим. ред.

8

Не стоит путать с разновидностью бейсбола, существующей под таким же названием. Прим. ред.

9

Барбицид – дезинфицирующий раствор, используемый парикмахерами и косметологами для дезинфекции инструментов, таких как расчески и ножницы для стрижки волос. Прим. ред.

10

От WASP (англ. White Anglo-Saxon Protestant) – популярное идеологическое клише в середине XX века; термин, обозначавший привилегированное происхождение. Аббревиатура расшифровывается как «представитель европеоидной расы, протестант англосаксонского происхождения». Имеет хождение преимущественно в странах Северной Америки. До изменения демографической ситуации в связи с иммиграцией акроним WASP был аналогичен понятию «стопроцентный американец», обозначавшему представителей более зажиточных слоев общества США, ранее игравших доминирующую роль в формировании элиты американской политической и экономической жизни. Прим. ред.

11

В американской системе счета (PARS) игра ведется до 15 очков, в международной версии обычно до 9 очков. На соревнованиях играют до 3 побед, но не более 5 геймов. Прим. ред.

12

The Allman Brothers Band – американская рок-группа, образованная в 1969 году в Джексонвилле, штат Флорида, признанная «главными архитекторами южного рока»; использовали в своей музыке элементы хард-, кантри- и блюз-рока, включали в концертные выступления продолжительные импровизации. Прим. ред.

13

Дроп-шот, или дроп, – укороченный удар о переднюю стенку, который делается как можно ниже к линии аута. Прим. пер.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tilni_aleksandr/ozhidaniya-bena-uiksa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)